

РАЙАН ГРОДИН

ХРАНИТЕЛЬНИЦА ЗАМКА

Москва
2026

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г86

The Girl Who Kept the Castle
Copyright © 2024 by Ryan Graudin
Jacket art @ copyright 2026 Dion MBD
All rights reserved.

Гродин, Райан.

Г86 Хранительница замка / [пер. с англ. А. В. Наумовой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 368 с. — (Девочка, которая заботилась о замке. Фэнтези для подростков).

ISBN 978-5-04-234879-2

Волшебник Запад узнал, что умер, лишь спустя сутки после смерти. Казалось бы, ничего страшного, вот только вместе с жизнью он лишился и магии. А без его заклинаний древний замок Селурдур рухнет уже к следующему полнолуннию. Пока волшебник-призрак ищет себе преемника среди участников магического турнира, Фэй, дочь смотрителя замка, изо всех сил пытается удержать Селурдур от окончательного хаоса. А это непросто, когда на кухне то и дело вспыхивают пожары, компостный дракон требует обед по расписанию, а по двору разгуливают петухи-убийцы. Но настоящая беда приходит вместе со слугой Сумеречной королевы, который намерен уничтожить не только Селурдур, но и все королевство. Время уходит, магия угасает, и теперь только Фэй способна спасти Солум от неминуемой гибели.

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Наумова А. В., перевод
на русский язык, 2026

© ООО «Издательство «Эксмо»,
издание на русском языке, 2026

ISBN 978-5-04-234879-2

Джемме Тейл, моей крошке-тигрице

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Жабы тоже умеют печатать на машинке

Волшебник Запад узнал, что умер, лишь через сутки после смерти.

Слуги в Селурдуре — его огромном волшебном замке — боялись сообщить ему об этом, а зеркал там не имелось. Даже серебряные ложки здесь покрывала мощная патина: самовлюбленный Запад страшился собственного отражения. Он способен был несколько дней подряд зачарованно любоваться складками одежды, ниспадающими с его статных плеч, и черными как ночь волосами — он сам изобрел для них эликсир под названием «Прочь, седина». Гений, вот он кто! Благодаря другому его знаменитому снадобью — бальзаму «Застывалус» — кожа волшебника оставалась упругой, словно шкура китенка. Да он, Запад, выглядит вдвое моложе, чем на самом деле! Нет, в четыре раза моложе! В десять! Вот так он и жил...

Когда страдаешь нарциссизмом, мучений не избежать.

Поэтому Запад давно решил положить конец, правда, не самовлюбленности, а зеркалам. *«Расколочу все зеркала в Селурдуре и чудесно заживу!»*

И вот он незаметно для самого себя превратился в призрака.

Рукава его длинной чародейской мантии прикрывали кисти рук, а ноги он сунул в тигротапки-сороходы так стремительно, что не успел заметить, что кожа на ступнях стала мертвенно-бледной. Завтракал Запад рассеянно и не заметил, как пережеванный кекс усыпал крошками кресло — позже их стряхнула горничная. Та же участь ждала и обед, а чай растекся по сиденью дымящейся лужицей. К этому моменту слуги в большинстве своем уже догадались о случившемся.

Гулкие коридоры Селурдура наполнились перешептываниями: горничные, лакеи и даже ожившие рыцарские доспехи делились друг с дружкой последней сплетней. Великий волшебник Запад умер, но скажи ему об этом, и он тебя в лесную живность превратит, а если ты — доспехи, то станешь заводным железным ежиком. Поэтому желающих не находилось.

С другой стороны, если волшебник Запад, ложась спать, обнаружит в кровати собственное бездыханное тело, он, возможно, так разозлится, что вообще всех в зверюшек превратит. Призракам не нужны дворецкие, чтоб двери откры-

вать — они спокойно проходят сквозь стены. И прачки им тоже без надобности: зачем призраку стирать одежду, если он теперь вечно ходит в той, в которой умер? Повар призраку тоже ни к чему: вкуса еды привидения все равно не ощущают.

— Надо кому-то из нас набраться смелости и сказать ему, — рассуждала повариха Рена.

— И кому же? — поинтересовался седовласый дворецкий Аргон. На самом деле, благодаря волшебству Запада, волосы у Аргона были из самого настоящего серебра. — Я тут почти век работаю не для того, чтобы землеройкой стать!

— Я тоже! — заявил Пак, которого уже и так превратили в кота.

Жизнь землеройки — участь не самая завидная, с этим соглашались все слуги волшебника Запада, поэтому они решили раскинуть лакричные кости. Впрочем, некоторые хитрецы норовили их съесть, так что вместо лакричных слуги взяли фишки, сделанные из костей тролля.

Фишки быстро их рассудили: жребий пал на двенадцатилетнюю дочку смотрителя.

В тот самый момент, когда кучка костяшек решила судьбу Фэй Гарднер, сама девочка стояла перед драконом. Ноздри у него были размером с тарелку, чешуя напоминала шлифованные изумруды, а зубы в высоту сравнялись бы со взрослым мужчиной.

Звали дракона Нел.

Впрочем, это его сейчас так звали. Когда-то дракону какие только жуткие имена ни придумывали: Небесная кара, Дьяволов змей, Овцекрад. Все это было до его битвы с самым первым волшебником Западом — тогда они целую неделю бились перед воротами Ретнека. Скованные ужасом жители столицы наблюдали, как последнего огромного дракона на их острове наконец одолели. А потом приручили. Победленного дракона доставили во владения волшебника Запада. Там его посадили на другую диету и в конце концов отправили на спокойную пенсию, возложив на него обязанности уничтожителя отходов.

Компостный Корнелиус или, если коротко, Нел, уже несколько сотен лет оставался старейшим обитателем Селурдура. На его мшистой спине росли деревья почти такие же высокие, как сам замок, и, судя по их высоте, дракон не двигался с места уже лет сто, не меньше.

Фэй его прекрасно понимала.

Если бы ей три раза в день привозили тележку с едой, она бы, поди, тоже из кровати не вылезала.

— У меня сегодня шикарные вкусняшки! — крикнула Фэй и помахала перед драконьей мордой пожухлой морковкой.

Золотистый глаз приоткрылся, челюсти разомкнулись, и где-то глубоко в брюхе чудовища

запылало пламя. Фэй словно очутилась перед растопленной печкой.

Едва девочка сунула морковку ему в пасть, как та сгорела.

Дракон издал рык, явно означавший «еще!»

Фэй зацокала языком:

— А повежливее можешь?

Дракон снова зарычал, на этот раз выпустив струю дыма, — говорить «пожалуйста» другому он не умел.

— Уже лучше. — Фэй повернулась к тележке, нагруженной объедками с кухни. — Так, давайте посмотрим. Капустные кочерыжки, скорлупа от яиц василиска и пудинг из лунофрукта — у Рены он нечаянно подгорел. Вообще-то жаль, потому что лунофрукты я прямо в полночь собирала...

Собранные в полночь лунофрукты — это деликатес. И чем ближе к полнолуннию, тем они вкусней. Мякоть у них сладкая, и после того, как поешь их, твоя кожа несколько дней слегка светится. Волшебник Запад владел единственным лунофруктовым садом во всем их королевстве, Солуме, и каждое утро выпивал стакан лунофруктового сока. После того как один отважный журналист написал об этой его привычке, в Селурдур вереницей потянулись богатейшие вельможи и дамы. И тогда волшебник изобрел эликсир. Стоил он немало, но Фэй каждую ночь ложилась спать глубоко за полночь — бегала собирать лунофрукты, чтобы эликсира хватило всем.

Плод-другой она с чистой совестью оставляла себе.

— Этот десерт тысячу стерлингов стоит!

Или стоил бы, не прозевай Рена. Фэй подозревала, что повариха нарочно так сделала, чтобы не попасться на краже лунофруктов.

«*Вот трусиха жалкая*», — сердито нахмурилась Фэй.

Все остальные слуги ужасно боялись, что их превратят в кошек, а Фэй считала, что в этом самое веселье и есть. Какой смысл жить в волшебном замке, если не есть лунофруктов, не лазать в невидимую башню рисовать закаты и не опускаться в подводной лодке из пузырьков на дно бассейна, где гнездятся китята? Рисовать кошачьей лапой, наверное, сложновато, Впрочем, Пак справляется отлично. Этот придворный кот даже от работы по дому освобожден — знай себе сидит на кухне и делает вид, будто мышей пугает, а на самом деле просто мисками уплетает сливки.

Да и спит он явно дольше, чем Фэй.

Мало того, что ей каждую ночь за лунофруктами охотиться, так еще и утром до рассвета вставать, чтобы яйца василисков собрать. Это занятие Фэй больше всего на свете терпеть не может: на цыпочках крадясь между сонными пелухами и бородавчатыми жабами, она осторожно проверяет, нет ли под жабами яиц. Смотреть приходится в оба: забудь она хоть одно яйцо, и тогда оно разморозится, проклянется и...

Достаточно сказать, что все обернется очень плохо.

Фэй бросила Нелу в раскрытую пасть пригоршню скорлупы и кусок пудинга. Не жуя, дракон запрокинул огромную зеленую голову и проглотил. От лунофрукта чешуйки у него на шее засветились.

— Как на вкус? — спросила Фэй. Золотистые драконьи глаза прищурились, он издал долгий рык, а напоследок изрыгнул пламя. Земля под ногами у Фэй содрогнулась. Сама девочка успела отскочить, а вот тележку охватил огонь. Нел вытянул шею и принялся пожирать поджаренные овощи и горящую древесину. Десять секунд — ХРУМК! — и все исчезло.

Фэй стряхнула с туники случайную искру и вздохнула:

— Корнелиус! Вторая тележка за месяц! Как я буду тебя кормить, если ты съешь все мои тележки?

Дракон безмятежно закрыл глаза.

Фэй же до его спокойствия было далеко. Может, заколдовать серебряные подносы, чтобы они цеплялись друг за дружку и летали? Волшебство — это несложно, но заклинания надо произнести так, чтобы никто не заметил. В Со-луме слугам строго-настрого запрещается прибегать к магии. Да и почти всем остальным — тоже. Об этом гласит свод законов, известный под названием «Равновесие». Магия — штука непредсказуемая. И опасная. С ее помощью

можно и пожар устроить! Чтобы поддерживать на острове порядок, четыре первых волшебника придумали список строгих правил, какие заклинания разрешается произносить. А самое главное правило: только признанные волшебники и их ученики имеют право прибегать к магии. Ведь если допустить до нее кого попало, то и случиться может что угодно. И эти признанные волшебники смотрят за тем, как применяется магия на закрепленных за ними территориях — в магических округах Севера, Юга, Востока и... Запада.

В Селурдуре, где жила Фэй, волшебства было больше, чем где бы то ни было. Но даже не смотря на то, что она с самого детства обитала в доме волшебника Запада, стать его ученицей она даже не мечтала. Прежде всего волшебники — они всегда мужчины. Девочек официально на обучение не принимают, и рассказы о ведьмах, мошенническим путем добравшихся до магии, заканчиваются плохо.

Неподалеку зашуршали листья, Фэй выпрямилась и насторожилась.

Почти всех волшебных животных и все растения привез в западную часть Солума первый волшебник Запад — привез и запер в стенах Селурдура. Чтобы сберечь. И защитить. Или, точнее, защитить от них жителей Солума. После того как здесь поселили Дьяволова змея, вокруг него образовался целый волшебный мир: облюбовавшие кусты зверушки, золотые рыбки с мо-

нетками вместо чешуи, павлины с хвостами такими огромными, что в них гнездились другие птицы. Был среди них и зяблик, чья песня проникала тебе прямо в мозг. Тогда ты и сам начинал петь и не мог остановиться, пока птица не вытаскивала у тебя из уха мелодию и не склеивала ее, словно червяка. Впрочем, Фэй предпочла бы впустить к себе в голову дюжину приставучих мелодий, чем повстречаться с семейством огромных, с лошадь размером, тараканов, обитавших на окраине драконьего участка.

— БУ!

Из кустов выпрыгнул черный кот с озорной ухмылкой на морде.

Фэй закатила глаза.

— Сам ты бу, Пак.

— Ты чего, совсем не испугалась? — разочарованно протянул он.

— А что, должна была?

— Ну да, — невозмутимо бросил кот, — я тебе ужасные новости принес.

Сердце Фэй подпрыгнуло. «Папа!» — сразу подумалось ей.

— Что-то с папой случилось?

Девочка постоянно за него переживала: отец старел, и работа смотрителя замка давалась ему нелегко. Будь он даже вдвое моложе, лазать по деревьям и приручать животных и то было бы тяжело, но отца Фэй возраст не останавливал. Сейчас он отправился в экспедицию в селурдурскую оранжерею, стеклянное здание, с виду ма-

ленькое, однако Фэй знала, что только так кажется, и отец может застрять там на несколько дней или даже недель.

— С твоим папой? Нет. Насколько мне известно, с ним все в порядке, — осторожно ступая, Пак перешагнул через оставшуюся от тележки золу и чинно уселся у ног Фэй. — Зато волшебник Запад умер.

— Умер? — Девочка взгляделась в блестящие кошачьи глаза, выискивая подвох. Шутка ужасная, но чувство юмора у Пака такое же черное, как его шерсть.

— Ага, совсем умер, — черный хвост дернулся, — у него остановилось сердце. И тело окончено.

Фэй тоже похолодела и вздрогнула.

— Это... кошмар.

— По-моему, — продолжал кот, — это как раз не проблема.

— Как это?

Фэй растерялась: волшебник Запад умер, разве бывают новости страшнее?

Воображение не успело придумать ответ. Хвост у Пака дергался из стороны в сторону.

— Дело в том, что... Запад не сказать, чтобы упокоился с миром. Он теперь привидение. Призрак, который не замечает, что умер. И проблема — *твоя* проблема — в том, что сказать ему об этом должна ты.

Сперва Фэй едва не рассмеялась, а потом ее потянуло заплакать.

В конце концов она выдавила сдавленный смешок.

— Я?

— Ага, — кивнул кот, — мы кинули жребий, и он указал на тебя.

— Но... — Фэй запнулась, — я с волшебником Западом даже не говорила ни разу.

Обычно с волшебником разговаривал папа — сообщал ему о нашествии огненных чертополохов в парке или о том, как волшебник своей тоской нагнал двухнедельные ливни, из-за которых с крыши смыло горгулий. И так дела обстояли всегда, насколько Фэй хватало памяти.

— И, возможно, никогда больше и не заговоришь, — согласился Пак, — сообщишь ему о безвременной кончине, и все. Призраки обычно в этом мире не задерживаются. Уладят дела — и только их и видели. От тебя требуется лишь показать Западу его тело и... подсластить пилюлю.

— Подсластить смерть? И как, интересно?

— Польсти его самолюбию, — посоветовал Пак, — скажи, что его здесь будут вечно любить больше всего. Что его станут бесконечно оплакивать. И все в таком духе.

— Ты знаешь, что сказать, так чего же тогда сам с ним не поговоришь?

— Потому что жребий выпал не мне.

— Потому что ты трусливый кот! — смело заявила Фэй.